

ИССЛЕДОВАНИЕ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ 1840-1860-х гг. В КОНЦЕ XIX вв

*Иерей Александр Ивойлов
(Минск, Минская духовная академия)*

Исследования церковной архитектуры 1840-1860-х годов, которые представлены в различных научных трудах и изданиях, позволяет получить сведения, которые уточняют обстоятельства возникновения памятников этого периода. К числу таких обстоятельств относятся историческая обстановка, время постройки, данные о заказчике, имена архитекторов и мастеров, которые непосредственно осуществляли проект. Многообразие памятников ретроспективно-русского стиля в архитектуре Беларуси требует привлечения исторических источников: литературных, архивных, иконографических.

Обзор литературных источников позволяет проследить все изменения в отношении художественной критики к древнерусской художественно-стилевой ретроспекции в архитектуре, и все последующие изменения в научной терминологии. Распространение в строительной практике XIX в. сооружений, которые были ориентированы в своей художественно-стилевой основе на древнерусское зодчество, было встречено современниками неоднозначно. Например, П.Н. Пе-

тров одним из первых историков русской архитектуры обратил внимание на появление «русско-византийских построек К. А. Тона. Им был отмечен «громадный шаг, сделанный зодчеством за последние 20–30 лет» [8, с. 3]. И. И. Свиязев воспринимал творчество мастера как «голос века, который, стремясь ко всему положительному, требует изящных искусств, изящного выражения действительности» [18, с. 6]. С другой стороны, древнерусская ретроспекция в архитектуре И.М. Снегиревым определялась как «подделка под древность» [18, с. 7]. Например, Е.А. Борисова также критиковал первые опыты архитектуры ретроспективно-русского стиля, утверждая, что «ни византийская церковь, ни грановитая палата ничего больше не дадут для будущего славянского мира...Все же церкви, строящиеся в это время, «дышат натяжкой и анахронизмом» [3 с. 105].

Наряду с развитием официально утвержденного «византийско-русского стиля» довольно распространенным стало использование форм народного зодчества. Исследователь В.В. Стасов к числу лучших примеров воплощения идеи народности относил творчество А. М. Горностаева. Данный русский критик отмечал, что архитектор создал «истинно народное искусство» [13, с. 360]. В архитектурных же сооружениях К. Тона, наоборот, «народность совершенно официальная, искусственная и поверхностная» [13, с. 19].

В ходе сравнения архитектуры «русского стиля» на разных этапах развития, В. Стасов отмечал: «В течение последней четверти столетия русская архитектура сделала такие огромные шаги вперед, что просто глазам своим не веришь» [13, с. 507]. Вместе с тем, в архитектуре 1870–1890-х годов наблюдаются несколько неудачные сооружения. Однако, это не стало следствием противоречий «русского стиля», а напротив, являлось итогом методически неверного использования зодчими элементов из арсенала древнерусского наследия. Многие специалисты весьма критически относились к подобного рода ошибкам. Например, Н. В. Султанов был уверен, что они «лягут

позорным пятном на наше время: они прямо покажут, что в нашем юном искусстве была благородная жажда творить в национальном духе, но не нашла себе должного удовлетворения» [14, с. 3].

В работах советских искусствоведов того времени отмечается наличие одной общей идеи, которая максимально ясно выражена в работе И. Маца. Согласно его мнению, сооружения второй половины XIX в. «лишены всякого притяжания на красоту и архитектурную продуманность. В XIX и XX веках архитектура потеряла творческую инициативу» [7, с. 13]. Схожее мнение было замечено в работах таких исследователей, как М. Рзянин, С. Бессонов и некоторые другие исследователи русской архитектуры. С резкой критикой искусства историзма выступал П. Сорокин в 1940-х гг: «Эклектичное искусство есть псевдоискусство, представляющее собой исключительно механическую смесь той или иной формы» [9, с. 437].

Исследования конца XX века позволяют составить более ясное представление не только об общих тенденциях в развитии архитектурной мысли середины XIX – начала XX вв., но и о творческой индивидуальности мастеров этого времени. В этих условиях совсем в другом свете отображается и воспринимается критика архитектуры ретроспективно-русского стиля.

Особый интерес представляют труды, которые посвящены архитектуре середины XIX – начала XX вв. на территории Беларуси. Основная масса публикаций того времени, которые отображают архитектурное наследие республики, может восприниматься только как популярная краеведческая литература [1, 10]. Произведения зодчества обычно рассматриваются в рамках данных работ не с искусствоведческой точки зрения, а с идейно-политических позиций. Такие публикации красноречиво свидетельствуют о противостоянии националистических польских и великодержавных русских устремлений.

Русскими исследователями отмечалось естественное продолжение традиций исконно русской художественной культуры [2, 10]. Напро-

тив, польскими авторами рассматривалось данное явление в качестве проявления дискриминации польской строительной культуры [19]. Необходимо отметить, что такой подход сохраняется в научной польской литературе и после 1960-х гг. [19].

Из публикаций советского периода, которые касаются развития «русского стиля» в Беларуси, стоит отметить работу Ю. Егорова. Именно в рамках данной работы впервые были рассмотрены памятники времени «упадка искусства и архитектуры», получив статус «подделок под исторические стили» [Егоров, с. 157]. Но и после этого исследования памятники ретроспективно-русского стиля Беларуси почти не упоминались в истории архитектуры. Это явление не рассматривалось даже в таких фундаментальных трудах, как «История архитектуры Белоруссии» В. А. Чантурии [15]. В работе этого же автора «Архитектурные памятники Белоруссии» [15] хотя и есть сведения о сооружениях 2 пол. XIX – нач. XX вв., но научно аргументированной и объективной оценки архитектура ретроспективно-русского стиля так и не получила. В некоторых исследованиях, посвященных различным аспектам архитектуры и строительства Беларуси, памятники, представляющие древнерусскую ретроспекцию в культуре рубежа веков затрагивались косвенно, однозначно получая негативную оценку.

Отсутствие научного анализа и систематизации памятников ретроспективно-русского стиля в Беларуси отражаются на неполноценности историко-архитектурного материала в научных и популярных изданиях, а также учебных пособиях. Только в 1980 – 1990-х гг. в соответствии с программой изучения архитектурного наследия белорусского народа выявились объемность и многосторонний характер эклектики [16, 17]. Исследования А. Кулагина, Ю. Чернатова, Т. Чернявской стали новым качественным этапом в изучении белорусской архитектуры середины XIX – начала XX вв. Переосмысление значения древнерусской художественно-стилевой ретроспекции в архитектуре Беларуси привели к тому, что в 1990-х гг. приобрели статус памятника

архитектуры и были взяты под государственную охрану многие произведения ретроспективно-русского стиля. Начались реставрационные работы на объектах православного зодчества 2 пол. XIX в.

Как нами было упомянуто ранее, для архитектурных сооружений рассматриваемого периода характерно присутствие византийского стиля, однако здесь стоит отметить, что политизация и идеологическая узость в оценке русской и белорусской архитектуры эпохи капитализма привели к тому, что в искусствоведческой литературе до сих пор не определилась научно-конкретная терминология, которое определяла бы рассматриваемое художественно-стилевое явление. Проблема византийского искусства и его связи с древнерусской культурой затрагивает широкий круг явлений. Использование термина «византийский» двойственно и внутренне противоречиво. Категории «искусство Византии» и «византийское искусство» неодинаковы по смыслу. Первое из них характеризует искусство определенного государства. Второе – искусство определенного типа и стиля. «Если мы присоединим соборы Киевской Руси к искусству Византии, мы совершим ошибку, т. к. в этом случае не учитываем связь с русской жизнью, русской культурой. Но если мы откажем им в праве считаться произведениями византийского искусства, то мы также никогда не поймем их истинного характера и художественного языка, резко обедним причастность русского искусства к явлениям, общим для всего круга европейской цивилизации» [4, с. 7].

Историки XIX в. раскрыли связь Древней Руси с Константинополем, что позволило считать раннехристианские храмы образцами «византийского стиля» [Славина, с. 91]. Общероссийский строительный устав периода развернувшегося массового возведения православных храмов во 2 пол. XIX в. требовал, чтобы «при составлении проектов на построение православных церквей преимущественно и по возможности был сохранен вкус древнего византийского зодчества». Понятие «готический», к которому некоторые историки архи-

тектуры относили все древнерусские памятники, в первой половине XIX в. было вытеснено определением «византийский». К этому же понятию были отнесены и современные сооружения. Тем не менее, определение «готический» применялось и к постройкам ретроспективно-русского стиля.

Согласно концепции заимствования, на которую основывалась русская историко-архитектурная наука в XIX в., зодчество Древней Руси стало результатом заимствования различных архитектурных школ. Так, И. М. Снегирев рассматривал использование древнерусского архитектурного наследия как «очищенный византийский стиль, восстановленный по древним образцам» [12, с. 76]. В сопроводительной записке А. Мельникова к конкурсному проекту Екатерининской церкви в С.-Петербурге указывалось, что данный проект был «сочинен и приноровлен к древнему русскому вкусу в византийском штиле». Эти примеры показывают, что в первые годы развития историзма понятия «древневизантийский» и «византийский стиль» охватывали все многообразие проявления в архитектуре древнерусской художественно-стилевой ретроспекции, независимо от конкретных сооружений.

Несколько иным является мнение Е. И. Кириченко, согласно которому определение «византийский» отражает претензии самодержавия на преемственность по отношению к Константинополю - «второму Риму». Это мог быть опыт реставрации концепции «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать» [6, с. 102]. Однако связывать развитие русско-византийского направления в архитектуре только с проявлением великодержавной политики было бы неверно. В широких слоях как художественной интеллигенции, так и народа, возрождение «русского духа», обращение к своему культурному наследию находило положительный отклик, и было «слишком явственным и широким» [3, с. 94]. В свою очередь, Т. А. Славина считает, что термины «византийский» и «русско-византийский» содержат в себе не столь-

ко историко-политический, сколько научный, квалификационный и типологический смысл [11, с. 72]. Эти определения включали и постройки К. Тона, мало связанные с византийскими прототипами, и более поздние стилизаторские опыты на основе балканской церковной архитектуры [3, с. 220].

Одновременно с «русско-византийским» и «византийско-русским» появилось определение «русский стиль». Первые два термина подразумевали явления довольно близкие по своей типологической сущности и идейной основе. В основном, этим понятием определяли православные церкви. Более широкое понятие «русский стиль» объединяло уже и романтические придворные постройки 1820 – 1840-х гг., и более демократичные массовые деревянные сооружения, и выставочные павильоны, и типовую застройку, и православные церкви.

Если обратиться к архивным источникам, то они отображают, что на всем протяжении развития древнерусской художественно-стилевой ретроспекции в архитектуре Беларуси предпринимались многочисленные попытки сориентировать архитекторов-практиков на древние образцы. Этой цели, в частности, способствовал сбор данных о памятниках архитектуры в белорусских губерниях. Документы дают возможность ощутить тот ущерб, который был нанесен в ходе перестроек католических и униатских храмов в православные, а также показывают масштаб церковного строительства по типовым проектам.

Архивные документы так же, как и литературные источники, дают возможность проследить последовательность развития древнерусской художественно-стилевой ретроспекции и установить имена архитекторов и художников. Отсутствие общеупотребительной терминологии в официальном делопроизводстве, вызывало определенные затруднения. Это приводило к различным модификациям определения «русский стиль» даже, когда речь шла о церковном строительстве. Понятия «русский», «византийский», «греческий» были синонимами понятия «православный».

Таким образом, в ходе проведения историко-архивных и библиографических исследований выявлены исторические события и лица, связанные с памятником, которые в той или иной степени могут обусловить его мемориальную ценность. Кроме истории возникновения памятника выявлены данные о его последующих перестройках и ремонтах, а также об утраченных элементах. Иконографические материалы дали ценную информацию о тех элементах архитектуры памятника и его окружения, которые к настоящему времени подверглись существенному изменению.

Источники и литература

1. Батюшков, П. Н. Белоруссия и Литва / П. Н. Батюшков. – СПб.: 1890. – 426 с.
2. Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательных местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся / П.Н. Без-Корнилович. – СПб.: Тип. 3 отд. собств. Е. И. В. Канцелярии, 1855. – 356 с.
3. Борисова, Е. А. Русская архитектура второй половины XIX века / Е. А. Борисова. – М.: Наука, 1979. – 320 с.
4. Грязнов, В. В. Коложская Борисо-Глебская церковь в Гродно / В. В. Грязнов. – Вильна, 1893. – 254 с.
5. Егоров, Ю. А. Градостроительство Белоруссии / Ю. А. Егоров. – М.: Гос. издат. лит. По строительству и архитектуре, 1954. – 282 с.
6. Кириченко, Е.И. Русская архитектура 1830 – 1910-х годов. / Е.И. Кириченко. – М.: Искусство, 1982. – 399 с.
7. Маца, И. Беседы об архитектуре. / И. Маца. – М.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1935. – 95 с.
8. Петров, П. Н. Ректор архитектуры Императорской Академии художеств Константин Андреевич Тон / П. Н. Петров. – СПб., 1865. – 215 с.
9. Рзянин, М.И. Памятники русского зодчества. / М.И Рзянин. – М. : Госиздат архитектуры и градостроительства, 1950. – 340 с.

10. Семенов, П. П. Россия Полное географическое описание нашего отечества / П. П. Семенов. – СПб., 1908. – 560 с.
11. Славина, Т. А. Константин Тон / Т. А. Славина. – Л.: Стройиздат, 1989. – 224 с.
12. Снегирев, И. М. Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества в 6 т. / И. М. Снегирев. – М., 1840. – 250 с.
13. Стасов, В. В. Избранные сочинения. / В. В. Стасов. – М. : Изобразительное искусство, 1952. – 470 с.
14. Султанов, Н. В. Возрождение русского искусства / Н. В. Султанов // Зодчий. – 1881. – №1. – С. 5-32.
15. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии. / В.А. Чантурия. – Мн. : Вышэйшая школа, 1977. – 319 с.
16. Чарняўская, Т. І. Архітэктурна Віцебска. / Т. І. Чарняўская. – Мн. : Навука і тэхніка, 1980. – 112 с.
17. Чарняўская, Т. І. Архітэктурна Магілева. / Т. І. Чарняўская. – Мн. : Навука і тэхніка, 1973. – 120 с.
18. Шарц, А.К. Академик архитектуры И.И. Свиязев (1797-1874 гг.) / А.К. Шарц. – Пермь : Кн. изд-во, 1959. – 28 с.
19. Krakowski, P. Teoretyczne podstawy architektury wieku XIX // Zesch. Nauk. Univers. Jagelon. Prace z historii sztuki. – Warszawa : 1979. – 105 s.